

ЛЮБОВЬ ЗЛА И КОВАРНА

В Л А Д И М И Р
КОЛЫЧЕВ

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

КЛЮЧЕВОЙ
ИНСТИНКТ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.
К60 **Ключевой инстинкт / Владимир Колычев.** — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Колычев. Любовь зла и коварна).

ISBN 978-5-699-97286-9

У бизнесмена Высокова два сына: Трофим и Никита. Первый — деловой и работающий. Второй — тунеядец, пьяница и гуляка. Попыталась семья перевоспитать Никиту, но все напрасно. У Трофима есть жена, а Никита мечется между претендентками, выбирает. А тут еще случилось так, что оба брата запали на красавицу Марьяну. И начался полный раздор: выяснение отношений, измены, наветы. Даже дрались братья из-за девушки, чуть не убили друг друга. В конце концов Марьяна сделала свой выбор, да такой неожиданный, что не только всех удивила, но и сама поразилась.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97286-9

© Колычев В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Отстучал парад на Красной площади, отгремел салют, от майских шашлыков под пиво остались приятные воспоминания, пока еще не тронутые желанием обновить их. Закончились праздники, пора на работу.

Высокий мужчина плотного телосложения с короткими жесткими волосами энергично молотил боксерскую грушу. Капли пота стекали со лба, как с гуся вода скатывались с густых черных бровей на широкую переносицу, с раздвоенного кончика носа срывались в ямку на широком левом подбородке. Трофим Высоков злоупотребил на майских каникулах и сейчас выгонял вместе с потом жалкие остатки похмелья. Да и лишний жирок неплохо бы стряхнуть. Он должен беречь фигуру — это и с точки зрения эстетизма похвально, и для здоровья полезно.

Трофим остановился, снял перчатки, взял полотенце, глядя на открытую дверь, приложил его ко лбу, смахнул пот. Убрав полотенце от глаз, он увидел в дверном проеме жену. Тамара стояла с распущенными волосами, в небрежно запахну-

том халате, накинутом на голое тело. Глаза сонные, рот приоткрыт в протяжном зевке. Лохматая, ненакрашенная, но все равно хороша, даже более чем. Трофим знал, на ком жениться. Первая красавица в городе — белокурая синеглазка с ногами от ушей.

— И не лень тебе молотить в такую рань? — в кулачок спросила она и зевнула.

— Работа зовет.

— Работа. — Она снова зевнула и повернулась к нему спиной.

— Иди, спи.

Тамара кивнула, но тут же мотнула головой. Да, ей хочется спать, но она не может этого себе позволить. Сначала мужа на работу нужно отправить, потом уже и слабину дать. Если желание останется. Она и не работала, но у них сын. Даниле четыре года, за ним глаз да глаз нужен. У него есть воспитательница, но без внимания со стороны матери не обойтись.

Трофим вышел из спортзала, спустился к бассейну, немного поплавал, принял душ. Тамара ждала его в столовой. Данила еще спал, будить она его не стала. Сама же расчесалась, нарядилась, халат сменила на красивое домашнее платье. Экономка Роза подала свои фирменные ленивые вареники, которые Трофим очень любил на завтрак. Перед Тамарой она поставила один только йогурт.

По утрам Тамара питалась маковыми росинками, и дело не в бережном отношении к своей

фигуре. Просто ей не хотелось есть. Зато в обед она могла употребить целого телянка и при этом даже на грамм не поправиться. Физические упражнения ей не нужны по той же причине. Больному спорт не поможет, а здоровому он не нужен.

Если с такой философией можно поспорить, то с ней самой — нет. Тамара не упирается, не вгрызается в землю, чтобы настоять на своем. В любом споре с ней она просто молчит, и ничем ее с места не сдвинешь.

— Анжеле привет передавай, — сказала Тамара и глянула на Трофима.

При этом она наострила ухо, как будто собиралась вычитать его мысли через интонации в голосе.

— Передам.

У Трофима были сомнения в том, что Тамара его любит как никого другого, но ревновала она мужа жутко. Даже секретаршу заставила сменить, тетью свою навязала. Как будто Трофим с той не смог бы загулять, если бы хотел. Анжела всего на три года старше его, женщина она видная, приятная во всех отношениях. Да она бы и не возражала, только ему это не нужно.

С прежними секретаршами он тоже не крутил. Трофим — руководитель строгий, справедливый. Во всяком случае, он хотел соответствовать имиджу, взятому на себя. Нельзя ему с секретаршами или еще с кем-то. Но Тамаре не объяснишь.

— А что здесь такого? — Жена повела бровью, возмущенно глянула на мужа.

— Это ты о чем?

— Я прошу тебя привет передать, а ты усме-
хаешься.

— Не усмехаюсь.

— Усмехаешься!.. Кому еще привет передать
надо? С кем там у тебя?..

— Еще?.. А у меня уже с кем-то? С Анжелой?

— Я этого не говорила.

— Хватит. — Трофим посмотрел на жену мяг-
ко, но голос его прозвучал твердо.

Спорить с Тamarой, переубеждать ее — дело
дохлое, только нервные клетки жечь. Если она
вбила себе, что у него служебный роман на ра-
боте, то ничем эту мысль из ее головы не вытра-
вишь. Да он уже и не пытался.

Автобус недовольно шикнул, закрывая двери,
натужно стронулся с места и покатил по маршру-
ту. А Марьяна осталась. Глеб обещал отвезти ее
на работу, но его все нет. Если он не появится,
она сядет в следующий автобус.

Только девушка подумала об этом, как воз-
ле нее остановился черный, сверкающий лаком
внедорожник, то ли «Лексус», то ли «Лендкруз-
ер». Из машины вышел растрепанный парень
в дорогой шелковой рубаше с принтом. Вчера
было тепло, а сегодня с утра подул ветер, набе-
жали тучи. Холодно, должно быть, без куртки,
но вид у парня такой, будто ему жарко. Рубаша

расстегнута чуть ли не до пупа. Или это на ней просто пуговиц нет?

Парень подошел к Марьяне, дыхнул на нее перегаром.

— Привет!

Глазки у него масляные, ухмылка кривая. Рослый, с крепкой шеей и покатыми плечами, руки сильные, а ноги слабые, во всяком случае, сейчас. Пошатывало его, он инстинктивно переставлял ступни в поисках надежной опоры. Как можно в таком состоянии по дорогам ездить?

Марьяна подалась назад, махнула перед носом ладошкой. Видно, что парень не из бедной семьи, да и на внешность довольно симпатичный. Черты лица крупные, не совсем симметричные, глазки маленькие. В нем чувствовалась крепкая мужская закваска, которая и создавала, и усиливала обаяние.

— Ты куда? — Мажор потянулся за ней, но его шатнуло, и он едва удержал равновесие.

Люди, стоящие на остановке, с осуждением смотрели на него. А женщина с кислым от рождения лицом глянула на Марьяну так недовольно, как будто она его и напоила.

Мажор восстановил равновесие, нагнал Марьяну, попытался схватить ее за руку, но девушка вырвалась.

— Ты куда? — возмущенно спросил он.

Марьяна достала из кармана телефон.

— Я сейчас в полицию позвоню!

— Какая грозная!.. Поехали! — Мажор кивнул на свою машину.

Тут неподалеку остановилась изрядно подержанная темно-серая «Мазда».

Из машины вышел Глеб в форме старшего лейтенанта полиции. Не самого высокого роста, но стройный, статный. Узкое лицо, острый нос, тонкий подбородок. Красавцем его не назовешь, но разве это в мужчине главное? Зато форма наглажена, выправка отменная.

Да и голос командный.

— Я не понял!

Мажор осклабился, но тут же постарался взять себя в руки. Вспомнил, что его могут привлечь за вождение в нетрезвом виде, приосанился, даже шататься перестал.

— Марьяна, поехали! — Глеб кивком показал на свою машину.

Марьяна пожала плечами, подошла к нему, остановилась, подставила щеку для поцелуя.

Парень в шелковой рубаше хмурил брови, наблюдая за ней. Он не мог понять, что происходит. Вместо того чтобы пресекать непорядок, сотрудник полиции забирает Марьяну. Да еще и целует ее. Непонятно.

Марьяна села в машину, Глеб взялся за руль. Мажор смотрел вслед отъезжающей «Мазде», недовольно поджав губы. Он уже понял, что Глеб — ее парень, но его все равно возмущало поведение старшего лейтенанта. Марьяна в его понимании должна была уехать с ним, а не

с кем-то еще. Но это соображение было такое же пьяное, как и он сам.

— Кто это такой? — спросил Глеб.

— Да подъехал, в машину, говорит, садись.

— Зачем в машину?

— А зачем вы девушку в машину сажаете?

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— Можно было бы и подлинней юбку надеть.

— У меня короткая юбка? — Марьяна возмущенно вскинула брови.

Юбка у нее чуть-чуть выше колен, и это при том что ноги вовсе не короткие. Каблуки — да, а ноги — нет.

— Ну, не мини, конечно.

— Мини у тебя. В голове.

— Не понял! — вскинулся Глеб.

— Ты почему этого мажора не задержал?

— А разве я должен был его задерживать?

— Он же пьяный!

— Да? Не заметил.

— От него перегаром за версту разит.

— Думаешь?

— Знаю!

— Я же не из ГИБДД.

— Ты следователь МВД.

— Да, и работаю по факту. Вот если он кого-то собьет...

— Вот я и говорю, что у тебя программа минимум в голове. Нельзя так. А если он твою сестру собьет?

— Типун тебе на язык!

— Мне?! Типун?! — Марьяна глянула на него как начальник на подчиненного, который вдруг забыл свое место.

Она девушка красивая, сколько помнила себя, парни бегали за ней как в розницу, так и оптом. Недостаток мужского внимания ей не грозит, это для Глеба она — подарок судьбы, а он для нее — рак на безрыбье. Марьяна не хочет о нем так думать, даже замуж за него может выйти, но что есть, то есть. Не стоит ему разговаривать с ней в столь небрежном тоне.

— Так говорят.

— Говорят, но не заворачивают.

— Ты тоже хороша.

— Проехали.

Марьяна действительно была возмущена. Нельзя давать спуску пьяным водителям. За шкуру их и в клетку. Она искренне так считала, но при этом у нее не было желания ругаться с Глебом.

— Да, проехали, — сказал он. — Думаешь, там все просто? Ты видела, какая у него машина? С таким фруктом только свяжись, по судам затаскают. Вот если он собьет кого-то, тогда да, за жабры можно брать.

Марьяна вздохнула, увидев чадающие трубы металлопрокатного завода, к проходной которого они ехали. Она трудилась не в горячем цеху, а в бухгалтерии, но мысль о работе все равно навевала тоску. Впереди целая жизнь, и провести

ее придется в работе, хочешь ты того или нет. К этой мысли нужно не просто привыкнуть, она должна сидеть в голове как хорошо вкрученный шуруп.

Есть такой фильм «Берегись автомобиля». Когда же снимут «Берегись пешехода»?

Вопрос этот родился у Никиты в тот момент, когда под колеса его машины бросился какой-то мужик. Хоть бы остановился, увидев мчащуюся тачку, нет, как шел, так и продолжал идти. Возможно, он возомнил себя танком, но брони у него не было. Удар отшвырнул человека в сторону, бросил на землю. Он с трудом поднялся, пошатнулся и сел.

Никита едва удержался, чтобы не заехать ему с ноги.

— Куда прешь, урод? Глаза дома забыл?

— «Скорую» вызывай! — сказал незнакомый голос.

— И полицию, — добавил другой.

Никита обернулся. Уже и толпа собралась. Кто-то набирает номер на телефоне, кто-то настраивает видеокамеру. Пипец!

— Уроды! — буркнул он.

Одним только словом Никита запустил несколько бумерангов, и все они тут же вернулись к нему. Кто-то назвал его уродом, кто-то козлом. Людей много, на всех не наедешь.

Ему хватило ума вернуться в машину, закрыться. Он позвонил отцу, объяснил ситуацию,

попросил помощи. Надо было и брату сообщить, но тут появились менты.

Гаец только глянул на него и все понял.

— Выпивали?

— Выливали, — заявил Никита и качнул головой.

Выпивал он вчера, сегодня всего лишь опохмелился и чувствовал себя нормально, но развементу это объяснишь?

С Никитой не церемонились. Машину забрали на штрафную стоянку, а его самого доставили в отделение, закрыли в камере с решетчатой стеной.

— Эй, капитан, а не слишком? — спросил Никита, осматривая скамью, на которую собирался садиться.

Ему уже приходилось бывать в обезьянниках, поэтому он знал, какие здесь могут быть подводные камни. Блевотиной скамью загадят или сгущенкой какой-нибудь заляпают.

— Тебя надо бы сразу в изолятор перевести, — заявил розовощекий увалень и усмехнулся.

— А тыкать мне не надо!

— А то что?

— Сейчас батя подъедет, он тебе все объяснит.

— Пусть подъезжает. — Капитан продолжал улыбаться, но его голос прозвучал не очень смело.

Павелецк — не самый маленький город, но Степана Даниловича Высокова здесь знали все. Капитан тоже, поэтому и сбавил тон. Но в каме-

ру Никиту все же закрыл, хотя это было лишним. Результаты судебной экспертизы еще неизвестны, может, парень и не пьян вовсе.

Никита провел в камере не меньше часа, прежде чем появился отец. Сначала тот поговорил с дознавателем, только затем подошел к камере. Но капитан почему-то не открывал дверь.

— Ты человека сбил, — тяжело роняя слова, сказал отец.

Массивный, кряжистый, неповоротливый. Седые волосы, морщинистый лоб, крупный крепкий нос, который унаследовал Никита. Трофим был похож на отца постольку-поскольку, а Никита — точная его копия. Тяжеловесности пока только не хватает как в теле, так и вообще.

— Да он сам выскочил! По регистратору глянь!

Отец сам поднял себя над жизнью. В конце восьмидесятых занялся мелким бизнесом, со временем переключился на крупный, взял под себя несколько металлургических предприятий. Он никогда не был бандитом, но криминальный мир с ним считался уже давно. Надо будет, любую мафию в порошок сотрет, в том числе и полицейскую.

Только вот с младшим сыном справиться не может. Потому что любит его. Старший сын — надежда и опора. Но Трофима он и отругать может, и даже ударить, а Никита для отца — священная корова.

— Ты был пьян.